# ПОСТФОРДИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

**Шевчук Андрей Вячеславович**

к.э.н., ГУ-ВШЭ

E-mail: shevchuk@pt.comcor.ru

## Введение

Экономическая социология в России переживает период становления, определения своего предмета и дисциплинарных границ. Однако стоит отметить, что сегодня она более тяготеет к анализу на микроуровне, в то время как внимание, уделяемое российскими экономсоциологами макроанализу хозяйственных систем, по нашему мнению, явно недостаточно. В этом отношении определенный интерес представляют так называемые «постфордистские концепции», являющиеся объектом анализа данной статьи.

Период с середины 1970-х гг. характеризуется целым рядом новых явлений и процессов, позволяющих говорить об эпохальной социально-экономической трансформации, переходе к новому витку общественного развития. Отечественным исследователям хорошо знакомы основные концептуальные трактовки происходящих изменений, лежащие в русле постиндустриальных теорий. Менее известны в России так называемые «постфордистские дебаты», трактующие современный этап как переход от «фордизма» к «постфордизму»[1]. Между тем за рубежом (прежде всего в западноевропейских странах) этой проблематике уделяется значительное внимание[2], фактически постфордистские дебаты представляют собой сложившееся исследовательское направление: постфордистской тематике посвящаются научные конференции, монографии, в университетах читаются учебные курсы, защищаются диссертации, целый ряд журналов выступает ареной теоретических дискуссий[3], сами термины «фордизм» и «постфордизм» вошли в словари, энциклопедии и справочные пособия по социальным наукам[4].

Следует сразу отметить, что в отечественной науке сложился определенный стереотип восприятия термина «фордизм», который лежит в русле управленческих теорий, тогда

---

[1] Попытки дать целостное представление о них сделаны в работах автора. См.: Шевчук А.В. Постфордистские теории // Российский экономический журнал, 1999. № 4; Постфордистские концепции (критический анализ). Казань, 2000.

[2] О важном месте постфордистских концепций в зарубежной науке говорит, например, тот факт, что в авторитетном исследовании К. Кумара они рассматриваются как одно из трех основных направлений в исследованиях современного общества наряду с теориями информационного общества и постмодернизма [См.: Kumar, K. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*. Oxford: Blackwell, 1995].

[3] В качестве журналов, наиболее часто обращающихся к постфордистской проблематике, можно назвать: Economy and Society, New Left Review, Capital and Class, New Political Economy и др.

[4] На русском языке доступно следующее издание: Большой толковый социологический словарь (Collins). М.: Вече, АСТ, 1999. С. 397-399.

как в рассматриваемых концепциях он включает в себя более широкий круг явлений, охватывая различные области экономики, политики и культуры, связывая микро- и макроуровни анализа.

Основоположником такого подхода можно считать итальянского марксиста Антонио Грамши, который еще в 30-е гг. прошлого века в работе «Американизм и фордизм» заложил основы понимания фордизма как целостного социально-экономического и культурного явления[5]. В конце 1970-х гг. французский экономист Мишель Альетта впервые применил этот термин для характеристики послевоенного этапа социально-экономического развития США[6]. Затем концепция фордизма была распространена и на другие промышленно развитые страны, а некоторые исследователи заговорили о «глобальном фордизме»[7]. Современные дискуссии относительно траекторий социально-экономического развития ведутся в терминах постфордизма[8].

В данной статье мы надеемся частично восполнить существующий пробел и познакомить российского читателя с постфордистскими дебатами, очертив их предметное поле и представив основные (свое рода «классические») методологические подходы.

**Методологические подходы**

В рамках постфордистских дебатов обычно различают три основных направления: теорию регуляции, концепцию гибкой специализации, неошумпетерианские концепции[9]. Вместе с тем наблюдаются попытки создания оригинальных теорий, которые лишь с существенными оговорками можно отнести к одному из перечисленных направлений. В этом отношении особо следует отметить обсуждение в постфордистских дебатах ряда постмодернистских концепций[10].

Рождение постфордистских концепций в середине 1970-х гг. было вызвано неспособностью основного течения экономической мысли (мэнстрима) объяснить происходящие в развитых экономиках системные изменения. Так, приверженцы теории регуляции с самого начала подчеркивали отличие своей теории от ортодоксальных экономических доктрин. Их неудовлетворенность базируется на двух основных упущениях доминирующей экономической теории, сформулированных М. Альеттой. Во-

---

[5] См.: Gramshi, A. Americanism & Fordism, in his: *Selections from Prison Notebooks*. L.: Laurence & Wishart, 1971.

[6] См.: Aglietta, M. *A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience*. L.: New Left Books, 1979.

[7] См.: Lipietz, A. *Mirages and Miracles: the Crisis of Global Fordism*. L.: Verso, 1987.

[8] См.: Amin, A. (ed.). *Post-Fordism*. Oxford: Basil Blackwell, 1994. и др.

[9] См.: Amin, A. Post-Fordism: Models, Fantasis & Phantoms; and Elam, M. Puzzling out the Post-Fordist Debate: Technology, Markets and Institutions in: Amin, A. (ed.). *Post-Fordism*.

[10] См.: Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell, 1989; Lash S., and J. Urry. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1987; *Economies of Signs and Space*. L.: Sage, 1994; Hall, S. Brave New World, *Marxism Today* (October 1988); Gartman, D. Postmodernism or the Cultural Logic of Post-Fordism, *Sociological Quarterly* (1998). Vol. 39. Issue 1. и др.

первых, ортодоксальные экономические теории в большинстве своем статичны (т.к. исходят из неизменности структурных условий) и неспособны плодотворно анализировать экономический процесс во времени. Во-вторых, они не в состоянии выразить социальное содержание экономических отношений и, вследствие этого, интерпретировать социальные силы и конфликты в экономическом процессе[11].

*Теория регуляции*

Теория регуляции[12] является, пожалуй, наиболее влиятельной среди постфордистских концепций. Она знаменует возвращение к традициям политической экономии и черпает вдохновение преимущественно в марксистской традиции[13], обогащенной идеями кейнсианства и экономической истории (в духе французской школы «Анналов»). Отправной точкой для регуляционистов является «феномен влияния всего комплекса общественных отношений на экономические закономерности»[14].

Теорию регуляции прежде всего интересует, как «капитализму» удается развиваться, на каждом новом витке успешно преодолевая возникающие противоречия (при этом вопрос о его «неминуемом крахе» или «исторических границах», как правило, не ставится).

Базовыми категориями анализа в теории регуляции являются «режим накопления» [accumulation regime] и «способ социальной регуляции» [mode of social regulation]. Режим накопления (РН) – это макроэкономический режим, поддерживающий сбалансированные отношения между производством и потреблением. Имеется в виду взаимосвязь между трансформацией производства (производительность труда, степень механизации, сравнительная важность различных отраслей и т.п.) и трансформацией условий конечного социального потребления (структура спроса)[15].

Однако стабилизация системы накопления не обеспечивается исключительно экономическими компонентами. Воспроизводство становится возможным благодаря развитию привычек, социальных норм, определенной политической практики, законодательства и т. д. Эти институциональные механизмы или «структурные формы» представляют собой кодификацию социальных отношений и составляют «способ социальной регуляции», который служит одновременно и для воспроизводства

[11] Aglietta, M. *A Theory of Capitalist Regulation*. P. 9., 19.

[12] Разнообразие существующих подходов позволяет говорить о «школах регуляции» или «теориях регуляции». Некоторые исследователи выделяют в рамках теории до семи различных направлений (См.: Jessop, B. Regulation Theories in Retrospect & Prospect, *Economy and Society* (May 1990). Vol. 19, No. 2.

[13] Отличительной чертой теории регуляции является то, что практически все ее сторонники относятся к «левому» политическому спектру. Так, например, во Франции развитие теории в частности связано с Французской компартией, в Великобритании – с Конференцией экономистов-социалистов (The Conference of Socialist Economists). Отсюда и специфическая марксистская терминология («капитализм», «накопление», «воспроизводство» и т.п.).

[14] *Буайе Р*. Теория регуляции. Критический анализ. М.: Наука для общества, РГГУ, 1997. С. 53.

[15] Lipietz, A. *Towards a New Economic Order: Post-Fordism, Ecology and Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1993. P. 2.

социальных отношений, и для стабилизации процессов накопления[16]. Режим накопления и способ социальной регуляции формируют «способ развития» – модель устойчивого роста, характерную для определенного исторического периода[17].

Подобные теоретические построения внешне напоминают классическую марксистскую конструкцию. Однако регуляционисты считают, что «неправильно устанавливать жесткую связь между производственными отношениями и определенным этапом развития производительных сил»[18]. Более того, они утверждают, что в рамках «капитализма» не существует единственного режима накопления или одного «правильного» способа социальной регуляции. Такой подход отличает теорию регуляции и от многих направлений «нового» институционализма. Если в рамках последнего предпринимаются попытки отыскать несколько общих способов экономической координации, действующих в совершенно различных географических и исторических условиях, то, согласно теории регуляции, режимы функционирования экономики различаются во времени и пространстве[19]. Таким образом, основное внимание здесь уделяется конкретным формам, принимаемым базовыми общественными отношениями в каждой исторической фазе данного общества.

Регуляционисты также считают весьма относительной зависимость жизнеспособности институтов от их экономической эффективности. «Происхождение институциональных форм связано с драматическими эпизодами истории, структурными кризисами, открытыми столкновениями между классами или социальными группами. И только позже каждой институциональной форме приходится доказывать свою совместимость с задачами экономического воспроизводства в течение более или менее длительного периода»[20].

Таким образом, эволюция режима накопления и способа социальной регуляции представляет собой «открытие шансов» [chance discovery][21]. Подобный теоретический

[16] Развивая этот подход, исследователи в последнее время предлагают использовать применительно к сфере регуляции два термина, отражающие два ее уровня – экономическую систему и общество в целом. Первый из них – «способ социальной регуляции экономики» [social mode of economic regulation], которым пользуется Б. Джессоп, удобен в силу того, что отражает как характер, так и объект регуляции. Второй – «способ социетализации» [mode of societalization] или «социетальная парадигма» [societal paradigm], касается процессов социальной регуляции, выходящих за рамки экономической системы. Речь идет о моделях массовой интеграции и социальной сплоченности на основе общности идеологий, ценностей, стилей жизни и т.п. Использование этой категории характерно для Й. Хирша, Б. Джессопа, А.Липетца. [См. их статьи в книге *Post-Fordism*, а также: Jessop, B. Regulation Theories in Retrospect and Prospect, *Economy and Society* (May 1990). Vol. 19, No. 2].

[17] Следует отметить отсутствие последовательности в употреблении термина «режим накопления». Иногда он используется в смысле «способа развития». В этом случае к макроэкономическому режиму применяют термин «система накопления» [См.: Tickell, A., and J.A. Peck Accumulation, Regulation and the Geographies of Post-Fordism: Missing Links in Regulationist Research, *Progress in Human Geography* (1992). Vol. 16, No. 2].

[18] *Буайе Р*. Теория регуляции. С. 78.

[19] Там же. С. 12.

[20] Там же. С. 10.

[21] Lipietz, A. Mirages and Miracles. P. 15.

подход имеет ярко выраженную историческую направленность. Теория регуляции утверждает, что невозможно точно предсказать периоды роста и кризиса и их временные рамки вследствие зависимости от специфических исторических условий[22].

*Неошумпетерианские концепции*

Неошумпетерианское направление в постфордистских дебатах связано прежде всего с исследованиями инноваций Кристофера Фримана и Карлоты Перес[23] и развивает идеи Н. Кондратьева о длинных волнах в развитии капитализма и Й. Шумпетера о ведущей роли предпринимателей-новаторов в экономическом процессе.

Ключевой категорией неошумпетерианцев является «технико-экономическая парадигма» – сфера производства и экономических отношений со всеми присущими ее проявлениями (технологиями, организационными и управленческими методами, распределением доходов, структурой общественного продукта и т.п.). По мнению К. Фримена, «длительный подъем является результатом не технических инноваций в одной или нескольких отраслях... а скорее диффузии новой технико-экономической парадигмы из нескольких ведущих секторов во всю остальную экономику и особенно в отрасли, производящие капитальные товары и соответствующие услуги»[24]. Технологическая революция ведет «не только к появлению нового ряда продуктов и услуг в соответствующих отраслях, но и отражается на всех других областях экономики посредством изменения стоимостной структуры затрат»[25]. Инновации толкуются широко и включают также (кроме новых продуктов и производственных процессов) новые формы организации труда и управления, новые навыки и умения, изменяющие качество рабочей силы, новые растущие сектора, новые транспортные и коммуникационные технологии, новое пространственное расположение производства и т.п.

Технико-экономическая парадигма вызревает в определенном социоинституциональном окружении, и переход от одной парадигмы к другой возможен лишь после адаптации множества социальных институтов к требованиям новых технологий. Процесс распространения новой группы технологий включает не только технологические, но и институциональные, социальные и даже поведенческие нововведения, сопровождающиеся сдвигами в общественном сознании. Таким образом, подрывается тезис о достаточности технологических изменений для порождения длинной волны, хотя признается их необходимость.

Возникающие время от времени системные кризисы трактуются как результат того, что обе подсистемы (технико-экономическая и социоинституциональная) развиваются с разной скоростью. Технико-экономическая подсистема имеет своим главным двигателем прибыль, стремление к увеличению которой приводит сначала к довольно быстрым сдвигам на микроуровне (отдельные предприятия), постепенно распространяющимся на

[22] В этом состоит коренное отличие от теории длинных волн, где «длина» волны четко определена.

[23] См.: Freeman, C., and C. Perez. Structural Crisis of Adjustment, Business Cycles and Investment Behavior, in: Dosi, G. (ed.). *Technical Change and Economic Theory*. L.: Frances Pinter, 1988.

[24] Цит. по: *Меньшиков С.М., Клименко Л.А.* Длинные волны в экономике. М.: Международные отношения, 1989. С. 209.

[25] Там же. С. 211.

всю экономику. Что касается социоинституциональной подсистемы, то она обладает большей инерцией, кроме того, институциональные изменения могут сдерживаться политической властью. Таким образом, технико-экономическая парадигма приближается к своим пределам раньше институциональной, и именно в ее недрах начинает вызревать новая система. К. Перес формулирует это следующим образом: «Истощение старой парадигмы сопровождается инерцией соответствующих социальных и институциональных механизмов», образуются «непреодолимые барьеры потенциальному росту новой технико-экономической парадигмы»[26], что и ведет к структурному кризису.

Главное отличие неошумпетерианского подхода состоит в том, что технологическим изменениям отводится ведущая роль, в то время как социоинституциональные механизмы, хотя и в значительной степени учитываются, выглядят подчиненными технико-экономическим.

Концепции К. Фримена и К. Перес в отечественной научной литературе обычно относят к теориям длинных волн[27]. Однако часть западных авторов напрямую включает их в «постфордистские дебаты»[28]. Мы полагаем, для этого есть все основания. К. Фримен и К. Перес попытались наполнить кондратьевские длинные волны конкретным историческим содержанием, анализом как технико-экономических изменений, так и широкого спектра социоинституциональных изменений, отвергая механистические представления о связях между технологическими нововведениями и экономическим ростом. По нашему мнению, К. Фримен и К. Перес вышли за рамки традиционных подходов в теории длинных волн, существенно расширив проблематику исследования.

*Концепция гибкой специализации*

Абстрактная теория гибкой специализации отличается определенной концептуальной простотой, поскольку сфокусирована в основном на арене производства. Толчком для ее развития послужила работа М. Пиоре и Ч. Сэйбла «Второй индустриальный перелом»[29].

В экономике сосуществуют две индустриальные парадигмы, каждая из которых не содержит априори технологического превосходства над другой. С одной стороны, это массовое производство стандартизированных товаров с использованием специального (рассчитанного на одну задачу, привязанного к одному продукту) оборудования и полуквалифицированной рабочей силы. С другой стороны – гибкая специализация (ремесленное производство): производство разнообразных товаров небольшими партиями с использованием многоцелевого оборудования и квалифицированного труда.

Для М. Пиоре и Ч. Сэйбла массовое производство и гибкая специализация являются не только парадигмами производства, но и исторически реализуются в типах экономики,

[26] Там же. С. 236.

[27] См.: *Меньшиков С.М., Клименко Л.А.* Длинные волны в экономике; Длинные волны в экономике. Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие / Под ред. С.Ю. Глазьева, Г.И. Микерина, П.И. Тесля и др. Новосибирск: Наука, 1991; *Полетаев А.В., Савельев И.М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.: Наука, 1993.

[28] См.: Amin, A. Post-Fordism: Models, Fantasis & Phantoms; Elam, M. Puzzling out the Post-Fordist Debate: Technology, Markets and Institutions, in: Amin, A. (ed.). *Post-Fordism*.

[29] См.: Piore, M., and C.F. Sabel. *The Second Industrial Divide*. N.Y.: Basic Books, 1984.

где один тип производства доминирует на определенной географической территории: в регионе, национальном государстве или мировом масштабе.

Каждому из вышеописанных типов экономики присущи свои специфические экономические проблемы. Массовое производство развивается за счет инвестиций в новые поколения специализированного оборудования, что позволяет наращивать «экономику масштабов», снижая издержки и цену продукции. Но если рынок не способен поглотить всю произведенную продукцию, производитель начинает испытывать на себе бремя высоких постоянных издержек и негибкой производственной системы. Таким образом, высокая специализация дает отдачу только в случае рыночной стабильности. Для ее достижения необходимы определенные регулятивные институты, поддерживающие баланс между производством и потреблением. Крушение подобных институциональных механизмов приводит к «кризису регуляции». Выход из кризиса возможен с помощью реконструирования механизмов регуляции или инноваций. Если основной проблемой экономики массового производства является стабилизация рынка, то основная проблема для гибкой специализации – поддержание технического динамизма, т.е. постоянный инновационный процесс. В последнем случае приспособление к рынку не является сложной задачей, поэтому значение механизмов регуляции снижается. Однако гибкая специализация связана с риском стагнации технологического развития.

В определенные моменты истории одна индустриальная парадигма может существенно ограничить другую и стать всеобщим стандартом. Эти поворотные точки названы «индустриальными переломами» [industrial divides]. Объясняя победу той или иной парадигмы, Пиоре и Сэйбл отвергают какой бы то ни было «железный закон» исторической необходимости во избежание технологического или рыночного детерминизма. По мнению авторов, все зависит от политического выбора различных экономических субъектов (фирм, профсоюзов, национальных правительств) и распределения финансовых ресурсов. «Технические возможности зависят от распределения власти и богатства: те, кто контролирует ресурсы и получает выгоду от вложений, делают выбор технологии в пользу наиболее выгодной для своих интересов»[30]. Пиоре и Сэйбл утверждают, что будущее зависит от «социальной борьбы, а не от естественных законов развития»[31]. Новая технологическая парадигма создает также новые «представления об эффективном производстве», которые активно пропагандируются. Таким образом, триумф индустриальной парадигмы зависит от материальной и идеологической поддержки.

## Траектории социально-экономического развития в свете постфордистских концепций

Важным моментом, объединяющим различные концепции в рамках постфордистских дебатов, является общий подход к периодизации социально-экономического развития в XX в. с использованием категорий «фордизма» и «постфордизма». Основу этого подхода, как мы уже отмечали, составляет анализ технико-экономической и социоинституциональной подсистем в их взаимодействии. В теории регуляции это выражается в категориях «режим накопления» и «способ социальной регуляции». У неошумпетерианцев подобный подход представлен анализом «вызревания» «технико-

[30] Ibid. P. 38.

[31] Ibid. P. 15.

экономической парадигмы» в определенном «социоинституциональном окружении», а в концепции гибкой специализации – выделением двух «производственных парадигм» (массового и гибкого производства), доминирование каждой из которых зависит от «политических решений» и «институционального выбора». Несмотря на то, что взаимодействие между вышеприведенными категориями варьируется (от выраженного технологического детерминизма у неошумпетерианцев, через взаимовлияние у регуляционистов, до доминирования специфических «исторических условий» и «политических решений» у теоретиков гибкой специализации), позиции исследователей сходятся в том, что долговременный и устойчивый экономический рост возможен только на основе гармоничного сочетания технико-экономической и социоинституциональной подсистем. Историческая и пространственная специфика этого сочетания характеризуют определенный этап общественного развития и его страновые (региональные) модификации. Таким образом, в концепциях ясно просматриваются исторический и социокультурный подходы.

Логика социально-экономического развития в XX веке с точки зрения постфордистских концепций в общих чертах может быть представлена следующим образом [см. табл. 1].

Таблица 1. Периодизация социально-экономического развития в XX в.

| | **До первой мировой войны** | **Между мировыми войнами** | **После второй мировой войны** | **Последняя четверть XX в.** |
|---|---|---|---|---|
| **Историческая эпоха** | | | *Фордизм* | **Постфордизм?**<br>**Неофордизм?**<br>**Затянувшийся структурный кризис?** |
| **Технико-экономическая подсистема**<br>**(сфера накопления)** | Преимущественно экстенсивная | Появление фордистской интенсивной | Фордистская интенсивная (на основе массового производства и потребления) | Кризис фордистской<br>Появление:<br>гибкой?<br>неофордистской? |
| **Социо-институциональная подсистема**<br>**(сфера социальной регуляции)** | Конкурентная | Кризис конкурентной | Монополистическая (административная, фордистско-кейнсианская) | **Кризис монополистической**<br>Появление:<br>неоконкурентной (неолиберальной)?<br>неокорпоративной?<br>неостейтистской? |

*Фордизм*

В XIX в. разрозненные региональные экономики базировались в основном на ремесленном производстве, а экономический рост осуществлялся на экстенсивной основе, вовлекая в кругооборот дополнительные ресурсы (практикуя захват новых географических пространств, увеличение продолжительности рабочего дня и т.п.). Социальная регуляция

носила конкурентный характер, государство придерживалось политики невмешательства в экономику.

Первый «индустриальный перелом» относится к началу нашего столетия, когда на базе организационных и технологических инноваций Ф. Тейлора и Г. Форда начала формироваться система массового производства. В ее основу положены следующие принципы: стандартизация продукции, механизация производства, научный менеджмент (тейлоризм), конвейер. Г. Форд понимал, что становление экономики массового производства непременно должно быть связано с соответствующими изменениями со стороны спроса. Поэтому символической датой рождения фордизма считается 1914 г., когда Г. Форд ввел знаменитый пятидолларовый восьмичасовой рабочий день, чтобы у рабочего появилось достаточно средств и свободного времени для потребления товаров массового производства. Он также осознал, что новая индустриальная система подразумевает новую модель воспроизводства рабочей силы, новую политику управления и контроля труда, новую психологию и стиль жизни рабочего, новую эстетику и мировосприятие. В социофилософских измышлениях и практической деятельности Г. Форда отразились основные направления формирования качественно новой социально-экономической системы, которая впоследствии и была названа исследователями в его честь[32].

Не без труда преодолевая препятствия на своем пути, явив миру глубочайший кризис (Великую депрессию), эта система окончательно сформировалась только после Второй мировой войны. Основу нового институционального порядка составили всеобъемлющий социальный компромисс (который часто именуется «фордистским») и новая, активная роль государства. Суть компромисса заключалась в том, что наемные рабочие (в лице мощных профсоюзов) согласились принять фордистские методы труда и их негативные последствия (дегуманизация, высокая интенсивность, монотонность и т.п.) в обмен на более высокий уровень жизни, а работодатели – поделиться с рабочими частью прибыли от возросшей производительности[33].

Примечательно, что «национальные правительства разной идеологической направленности – де Голль во Франции, лейбористская партия в Англии, христианские демократы в ФРГ – приложили все усилия для достижения компромисса и обеспечивали экономический рост и рост уровня жизни посредством реализации “государства благосостояния”, кейнсианской модели управления спросом и контроля за отношениями найма»[34].

---

[32] См.: *Форд Г.* Моя жизнь. Мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989.

[33] Следует обратить внимание на разницу между терминами «фордистский компромисс» и «социальное партнерство», которые используются, по сути, для описания одного и того же явления. Первый подчеркивает, прежде всего, конфликтность интересов работодателей и наемных работников: с одной стороны, интересов повышения производительности с помощью фордистских технологий и, с другой стороны, – интересов личности, стремящейся к творческому труду. Слово «компромисс» отражает элемент «сделки», в которой каждая сторона не только приобрела определенные выгоды, но и пошла на существенные уступки. Напротив, широко употребляемый сегодня термин «социальное партнерство» скрывает эти противоречия и создает иллюзию изначальной гармонии интересов.

[34] Harvey, D. *The Condition of Postmodernity*. P. 135.

Таким образом, сложился новый «монополистический», «административный» или «фордистско-кейнсианский» способ социальной регуляции, который в сочетании с «интенсивным» или «фордистским» режимом накопления позволил в течение нескольких десятилетий поддерживать беспрецедентные в истории темпы экономического роста, приблизиться к полной занятости и достичь высокого уровня благосостояния населения.

Вообще господство фордистских принципов выходило далеко за рамки экономической системы. В политике, например, они проявлялись в существовании массовых политических партий и движений, государстве благосостояния, где идея стандартизированного продукта получила демократическую интерпретацию как универсальная услуга для удовлетворения одинаковых базовых потребностей[35]. В сфере культуры эти принципы можно обнаружить в «американском» стиле жизни (гедонистической концепции счастья, выражающейся в потреблении все большего количества товаров), функциональной эстетике (соответствующей возможностям массового производства), монументальной архитектуре и т.п.

Кризис фордизма, разразившийся в середине 1970-х гг., также в равной степени проявился и в снижающейся экономической эффективности, и в общекультурной неудовлетворенности «обществом одного измерения», квинтэссенцией которой стали массовые выступления трудящихся, молодежи и студентов во Франции в конце 1960-х гг. В объяснении этого кризиса теория регуляции акцентирует внимание на истощении тейлористской модели трудового процесса. Более высокий уровень образования, выросшее самосознание и желание получать удовлетворение от работы привели к сопротивлению наемных работников подобным методам организации труда, а высокая зарплата уже не могла компенсировать их негативные последствия. Регуляционисты подчеркивают также обострение противоречий между растущей глобализацией производства и рынков и национальным характером механизмов регуляции. Вся фордистская система базировалась на относительной замкнутости национальной экономики, в рамках которой поддерживалась сбалансированная связь между производством и потреблением. Глобализация производства и рост мировой торговли нарушили этот баланс. Адекватные механизмы регуляции, призванные контролировать связь между производством и потреблением в глобальном масштабе, отсутствовали: не было ни международных соглашений для сбалансированности роста в разных странах, ни международных коллективных переговоров, ни наднационального государства благосостояния[36]. Теоретики гибкой специализации также обращают внимание на насыщение массовых рынков и фрагментацию спроса, возникающие вследствие развивающейся дифференциации стилей жизни, а неошумпетерианцы – на диффузию технологических инноваций, способных стать мотором нового роста.

*Постфордизм*

Практически все постфордистские концепции приходят к некоторому консенсусу относительно уходящей эры фордизма и ее кризиса, однако взгляды на будущее существенно различаются.

Концепция гибкой специализации наиболее известна своими изысканиями в области характера труда и промышленных организаций в современных условиях. Период с

[35] Murrey R. Life after Henry Ford, *Marxism Today* (October 1988). P. 9.

[36] См.: Lipietz, A. *Towards a New Economic Order*. P. 14-19.

начала 1970-х гг. рассматривается как второй индустриальный перелом, открывающий возможности для возрождения ремесленного производства в качестве доминирующей индустриальной парадигмы. По мнению теоретиков гибкой специализации, именно эта модель способна с минимальными издержками обеспечить производство высококачественных товаров для специальных и изменчивых рынков. Идеальному типу гибкого производства в целом присуще следующее[37]:

- разделение задач в производственном цикле между специалистами, автономными группами или независимыми фирмами таким образом, чтобы каждая единица могла максимизировать «экономику масштабов» и экспертизу, полученную от специализации в одной области, и одновременно иметь возможность варьировать конечный продукт по количеству и форме без потери общей эффективности;
- отказ от тейлоризма (опора на навыки, многофункциональность, участие рабочих в борьбе за качество продукции и приток идей; реинтеграция умственной и физической работы);
- децентрализация механизма принятия решений (для уменьшения отчуждения рабочих, усиления их ответственности и повышения скорости реагирования на изменяющиеся рыночные сигналы);
- развитие многоцелевых технологий, гибко приспособляемых к различным задачам и объемам;
- культура сотрудничества, развитие переговорного процесса между фирмами и внутри фирм как ключевое условие, поддерживающее необходимую взаимозависимость и гибкость.

Таким образом, гибкая специализация обещает установить новые демократичные индустриальные отношения, основывающиеся на кооперации и доверии между рабочими и работодателями, рисуя в целом «розовую» модель будущего. Регуляционисты же более критичны, некоторые из них видят дальнейшее развитие в рамках «неофордизма», связанного с автоматизацией массового производства и дальнейшей дегуманизацией труда (когда работнику остается только следить за работой оборудования)[38]. И если гибкая специализация делает ставку на фрагментацию рынков и работу на определенные ниши, то неофордизм возлагает надежды на стандартизацию в мировых масштабах, поставку на все рынки унифицированной продукции.

По мнению неошумпетерианцев, в основу нового этапа развития («пятой волны Кондратьева») лягут информационные технологии, а основу новой хозяйственной системы составят отрасли, их интенсивно использующие (компьютеры, программное обеспечение, телекоммуникации, робототехника, электронные базы данных и информационные услуги). Однако сами по себе высокие темпы роста новейших отраслей хозяйства, связанных с производством вычислительной техники, телекоммуникаций, полупроводников, не являются основанием для выводов о начале нового этапа развития. Эти отрасли занимают относительно небольшое место в современной социально-экономической структуре, что проявляется, в частности, в незначительном воздействии их бурного распространения на общие темпы экономического роста.

Постфордистские дебаты пролили свет на целый ряд производственных и организационных инноваций. Однако только в последнее время начались серьезные

[37] Amin, A. Post-Fordism: Models, Fantasies and Phantoms. P. 21.

[38] См.: Aglietta, M. *A Theory of Capitalist Regulation*.

исследования возникающих политических структур и государственных форм, развернулась острая полемика по поводу новых механизмов регуляции.

Приверженцы концепции гибкой специализации следующим образом обосновывают новые политические приоритеты: необходимо отказаться от классической кейнсианской стратегии управления спросом (массовое производство не является более жизненно важным), направляемого государством промышленного планирования (центральные институты – негибкие), государственной политики, поддерживающей концентрацию собственности и экономику масштабов (гигантизм неэффективен и негибок). Ставка делается на локальные решения, политику, выработанную в регионах, где с успехом развивается гибкая специализация (например, в «третьей» Италии)[39]. Необходимо наличие политических, нормативных и организационных средств для создания отношений, поддерживающих кооперацию и координацию, культуру локальной идентификации и доверия, как для развития региональной сети малых фирм, так и для реорганизации мультинациональных корпораций в созвездие полуавтономных единиц, включенных в местную экономику. Концепция гибкой специализации предвещает возврат к самоподдерживающимся региональным экономикам, подобным тем, что существовали до середины XIX в.[40]

Трактовка неошумпетерианцами истории капитализма как цепочки технологических революций определяет и их представления о надлежащей экономической политике государства. Прежде всего, подчеркивается, что общество еще не готово в полной мере к восприятию новой технико-экономической парадигмы; существующие институты нацелены на защиту сложившейся технологической структуры и препятствуют широкому распространению новых технологических принципов, что продиктовано стремлением защитить ранее сделанные затраты. Требуются существенные изменения в институциональных приоритетах и политике. На уровне государственного регулирования это предполагает определение важнейших стратегических технологий и осторожную спланированную интервенцию с целью устранить барьеры, препятствующие их развитию, а также массированные вложения в развитие новой инфраструктуры и улучшение качества рабочей силы. Нужно поощрять новые сектора промышленности, технологическое перевооружение фирм, распространение новых стандартов и коммуникационных систем, поддерживать идущих на риск предпринимателей и инвестировать в образование и обучение в соответствующих областях.

Регуляционисты подчеркивают важность формирования новых механизмов регуляции. Однако мнения относительно их характера существенно различаются. Выделяются три принципиальных варианта: неолиберализм, неостейтизм, неокорпоративизм[41].

Неолиберализм связан с ведущей ролью рынка и основывается на дерегуляции, приватизации, либерализации, поддержании гибкости рынка труда, реорентации

---

[39] О так называемых «новых индустриальных районах» см.: Scott, A. *New Industrial Spaces: Flexible production Organisation and Regional Development in North America and Western Europe*. L.: Pion, 1988.; Scott, A. Flexible Production System & Regional Development: The Rise of New Industrial Spaces in North America and Western Europe, *The International Journal of Urban and Regional Research* (1988). No. 12 и др.

[40] Sabel, C.F. Flexible Specialization and the Re-emergence of Regional Economies, in: Amin, A. (ed.) *Post-Fordism*. P. 103.

[41] Jessop, B. *Post-Fordism and the State*. P. 266.

государственной деятельности на нужды частного сектора, использовании коммерческого критерия в госсекторе, отказе от механизмов социального партнерства в сторону рыночных сил, космополитизме и содействии глобализации. В этом случае инновации возникают спонтанно, под действием духа предпринимательства.

Неокорпоративизм подразумевает согласование и координацию деятельности экономических агентов, ориентированные на реализацию общих интересов. Фордистский корпоративизм был нацелен главным образом на достижение полной занятости. Неокорпоративизм смещается на микроуровень и, отражая растущую гетерогенность рынка труда и интересов различных сообществ, ориентирован на инновации и структурную конкурентоспособность. Неокорпоративизм распространяется не только на экономическую (отношения труда и капитала), но и на другие функциональные системы (наука, образование, медицина). Неокорпоративизм связан с интегрированием перспективных интересов, усилением ядра и исключением периферии. Роль государства заключается в поддержке решений, достигнутых в ходе корпоративных переговоров. В отличие от неолиберализма неокорпоративизм предстает как «регулируемая саморегуляция»[42].

Сущность неостейтизма состоит в том, что экономическая реорганизация осуществляется исходя из государственных, а не частных или корпоративных интересов. Неостейтизм основан на активной роли государства и нацелен на усиление структурной конкурентоспособности. В более конкретном плане можно отметить важную роль технологической политики продвижения инноваций, политики отраслевой реструктуризации, политики государства на рынке труда, направленной на эффективную занятость и т. п.

На практике элементы этих стратегий могут комбинироваться. Так, в рамках Европейского Союза сосуществуют единый рынок (неолиберализм), политика координирования регионального развития новых технологий, образовательных и научно-исследовательских центров, банковских институтов (неостейтизм), социальный характер экономики и предотвращение социального демпинга (неокорпоративизм).

Самые большие споры касаются, пожалуй, статуса неолиберализма. В то время как одни считают, что именно он станет основой нового способа социальной регуляции, другие акцентируют внимание на его многочисленных негативных эффектах (возрождение интенсивной конкуренции при упадке институциональной координации конечного выпуска продукции и рынков труда, усиливающаяся сегментация рынка труда и дифференциация доходов, снижение политической силы профсоюзов и т.п.).

Противники неолиберализма считают, что он представляет собой скорее «вакуум», «отсутствие эффективных механизмов регуляции» и неприемлем в условиях масштабной структурной трансформации. Переход к монетаристским стратегиям со стороны государства – скорее «тактическая реакция на кризис, а не его разрешение», политическая суть проблемы, «политика кризиса», когда экономический рост замедлился и социальный компромисс рухнул. Он не является базой для самовоспроизводящегося и устойчивого экономического роста[43]. Новый компромисс должен быть направлен на поддержание экономической, социальной и экологической стабильности.

---

[42] Ibid. P. 267.

[43] Peck, J., and A.Tickell Searching for New Institutional Fix, in: Amin, A. *Post-Fordism*. P. 296.

Некоторые исследователи связывают надежды на будущее с развитием наднациональных механизмов регуляции, в том числе на базе сложившихся политико-торговых блоков (ЕС, NAFTA, ASEAN). Приверженцы этой точки зрения считают, что разрешение кризиса должно идти не снизу (через конкуренцию), а сверху (через национальное и мировое сотрудничество)[44]. С другой стороны подчеркивается ограниченность возможностей наднациональных институтов и смещение акцента их деятельности с регулирования международной торговли, валютных отношений и иностранных инвестиций в сторону поддержания в глобальной конкурентной борьбе структурной конкурентоспособности самого территориального образования[45].

Значительная часть исследователей полагает, что хотя в сфере производства и происходят весьма значимые эксперименты, говорить о появлении нового способа социальной регуляции, а, следовательно, и стабильной модели развития, преждевременно. Поэтому, в отличие от теоретиков гибкой специализации и неошумпетерианцев, четко определивших составляющие будущего режима, регуляционисты, в целом, более сдержанны в предсказаниях о том, какая эра придет после фордизма. Они видят настоящий период как серию экспериментов с различными стратегиями преодоления кризиса[46]. Постфордизм приобретает ясные очертания в конфронтации между противоборствующими тенденциями. Поэтому регуляционисты не спешат зафиксировать имя новой эры и колеблются в выборе между терминами: «neo-fordism» – чтобы показать тесную связь с фордизмом и преемственность[47], «post-fordism» – как разрешение кризиса[48] и «after-fordism» – для обозначения скорее кризисного периода после фордизма, чем новой фазы развития[49]. В целом, для обозначения современной эпохи в дебатах принят более устоявшийся (хотя и по-разному интерпретируемый) термин «постфордизм» (post-fordism)[50]. Когда же составляющие новой модели развития будут окончательно определены, она, по-видимому, получит другое, более содержательное имя.

Следует отметить, что рост популярности постфордистских концепций неизбежно был связан с упрощением и вульгаризацией трактовок фордизма и постфордизма. Главным образом, это касается инициированного теоретиками гибкой специализации прямого противопоставления фордизма и постфордизма как эпох массового производства и

---

[44] См.: Lipietz, A. *Towards a New Economic Order*. P.27; Peck, J., and A. Tickell. *Searching for New Institutional Fix*. P. 311.

[45] Jessop, B. *Post-Fordism and the State*. P. 270.

[46] См.: Esser, J., and J. Hirsch. The Crisis of Fordism and the Dimensions of a Post-Fordist Regional and Urban Structure, in Amin, A. *Post-Fordism*; Peck, J., and A. Tickell. *Searching for New Institutional Fix*; и др.

[47] См.: Aglietta, M. *A Theory of Capitalist Regulation*.

[48] См.: Jessop B. Post-Fordism and the State.

[49] См.: Peck, J., and A. Tickell. *Searching for New Institutional Fix*.

[50] Существуют некоторые языковые трудности с переводом вышеупомянутых терминов, так как английские «post-fordism» и «after-fordism» могут быть переведены на русский язык одним термином «постфордизм». Таким образом, важное значение приобретает смысловое наполнение этого термина. В настоящей работе термин постфордизм используется скорее в духе термина «after-fordism» (как период кризиса и неопределенности дальнейшего развития).

гибкой специализации, что зачастую приводит к карикатурному представлению исторического развития[51]. Конечно, нельзя согласиться с представлением будущего как прямой противоположности прошлого, игнорируя существующую преемственность. И все же следует отметить, что современные изменения многими описываются с помощью контрастных противопоставлений, принимающих форму бинарной истории (индустриальное – постиндустриальное, модернистское – постмодернистское, экономическое – постэкономическое общества, организованный – дезорганизованный капитализм и т. п.). По-видимому, это связано с тем, что противопоставление является мощным аналитическим средством регистрации различий, и это особенно важно для концептуализации происходящих изменений.

В этой связи некоторые исследователи считают термин «постфордизм» вполне удачным и предлагают оригинальную трактовку, утверждая, что он несет в себе существенные элементы и дискретности, и континуальности. Без первых он не был бы *пост*фордизмом, без вторых – пост*фордизмом*[52]. Таким образом, постфордизм является результатом развития тенденций, зародившихся в самом фордизме, при этом знаменуя существенный разрыв с ним и разрешая противоречия, приведшие его к кризису.

## Основные выводы

Сложность и многоаспектность самой проблемы социально-экономического развития предопределила то, что постфордистские концепции, не складываясь в монолитную теоретическую систему, скорее являются отдельной областью дискуссий (известной как «постфордистские дебаты»), открытой исследовательской программой. Тем не менее, эти дискуссии ведутся в общей системе координат: они объединены общим предметом и методологическими основами исследования.

Постфордистские концепции являются альтернативным направлением экономической мысли, смыкающимся с широким спектром социальных наук и в том числе с экономической социологией. Главные отличия от основного течения экономической науки (мэйнстрима) заключаются в следующем:

- отказ от равновесного анализа, рассмотрение экономических явлений в процессе и с позиций их эволюции;
- отказ от модели «homo economicus» и экономического детерминизма, признание социокультурной обусловленности экономического действия;
- отказ от контрактной модели социально-экономических отношений, признание того, что они отражают в том числе отношения господства и подчинения между различными социальными силами;

---

[51] Представление о современной эпохе как «конце массового производства» обстоятельно критикуется целым рядом авторов [см. например: Williams, K., Cutler, T., William, J., and C. Haslam. The End of Mass Production?, *Economy and Society* (1987). No. 16]. По нашему мнению, для утверждений о конце эпохи массового производства, конечно, нет достаточных оснований. Однако сам характер массового производства, формы трудового контроля, отношения между крупным и мелким бизнесом существенно изменяются, на что критики не обращают должного внимания.

[52] Jessop, B. *Post-Fordism and the State*. P. 257.

- отказ от методологического индивидуализма, рассмотрение социально-экономических процессов с позиций холизма.

Предметом исследования постфордистских концепций является развитие «капитализма» в долговременной перспективе, при этом используются сходные трактовки его этапов с использованием категорий «фордизм» и «постфордизм».

Методологический подход к исследованию социально-экономического развития основывается на анализе технико-экономической и социоинституциональной подсистем в их взаимодействии. Причем особое внимание, уделяемое изучению институциональных изменений, а также ряд нижеприведенных теоретических положений относительно роли институтов в социально-экономической системе позволяют рассматривать постфордистские концепции как одно из направлений институционализма, более тяготеющее к его «старой» традиции, чем к неоинституционализму:

- институты ограничивают и направляют действия субъектов социально-экономической системы;
- институты как устойчивые формы взаимодействия между людьми поддерживают преемственность и стабильность в течение сравнительно длительных периодов, их сменой объясняются качественные изменения и прерывистость процесса развития;
- институты являются предметом и результатом борьбы различных социальных сил за изменение их конфигурации, воплощая в себе определенные социальные компромиссы на каждом этапе развития;
- в институтах реализуется национальная социокультурная специфика.

Отметим также, что постфордистские исследования ориентированы главным образом на анализ институциональных комплексов, связанных с фундаментальными социальными отношениями[53], а также институциональной структуры в целом, в отличие от программы неоинституционалистов, предпочитающих изучать отдельные институты на микроуровне.

Несколько слов необходимо сказать и о соотношении постфордистских и постиндустриальных теорий. Несмотря на то, что в центре внимания обоих направлений находятся практически одни и те же социально-экономические явления и процессы, их исследовательские ориентации все же в значительной степени отличаются. Постфордистские концепции работают на более низком уровне абстракции, нежели постиндустриальные теории, претендующие на периодизацию общественного развития в целом. Из этого вытекает в конечном счете более скромная оценка масштабов перемен: речь ведется лишь об окончании эпохи фордизма. Кроме того, для постфордистских концепций характерно стремление разработать теоретический инструментарий для исследований социально-экономического развития (движущих сил, механизмов социально-экономических трансформаций, временно́й и пространственной неравномерности развития, возникающих противоречий и т.п.), в то время как постиндустриальные теории носят в значительной степени описательный характер и сосредоточены главным образом на изучении и социально-философском осмыслении «постиндустриальных тенденций».

[53] Так, Р. Буайе выделяет среди них деньги, отношения найма, формы конкуренции, государство, способ присоединения к международному режиму [См.: *Буайе Р.* Теория регуляции. С. 85-91].

Одно из основных уязвимых мест постфордистских концепций в их «классическом» виде – избыток функционализма и объективизма. Чрезмерный акцент на институтах как механизмах регуляции привел к потере активного начала в процессе общественного развития. Социально-экономическое пространство предстает чрезмерно зарегулированным, а институциональные изменения зачастую трактуются как выражение некой абстрактной «логики накопления». Осознание этих недостатков вызвало повышенный интерес к анализу государства как субъекта социально-экономической политики[54], что в свою очередь таит в себе потенциальную опасность скатывания к традиционной дихотомии: экономическая система – государство. Однако в целом в 1990-е гг. в рамках постфордистских концепций неудовлетворенность функционалистскими трактовками постоянно нарастала, что выразилось в новых попытках осмысления взаимодействия социально-экономической структуры и социального действия[55].

Мы полагаем, что постфордистские концепции способны обогатить существующие в современной России теоретические подходы к проблемам социально-экономического развития. В заключение позволим себе высказать несколько самых общих соображений по этому поводу. Так, например, в рамках постфордистских концепций большое внимание уделяется национальным модификациям фордизма и постфордизма как этапов общественного развития[56]. Почему бы не взглянуть на советскую систему, используя наработки постфордистских концепций?[57] Современное состояние российской социально-экономической системы большинством исследователей характеризуется как переходное. В этом отношении можно предложить более широкую трактовку перехода в контексте мировых трансформационных процессов, подчеркивая, что он осуществляется не к некой абстрактной рыночной экономике, а в рамках конкретного этапа ее развития. Рассмотрение с позиций постфордистских концепций еще целого ряда конкретных проблем, актуальных для России (глобализация, политика неолиберализма, изменение роли государства и т. п.), также может дать интересные результаты.

**Краткая библиография**

*Буайе Р.* Теория регуляции. Критический анализ. М.: Научно-издательский центр «Наука для общества», РГГУ, 1997.

*Меньшиков С.М., Клименко Л.А.* Длинные волны в экономике. М.: Международные отношения, 1989.

[54] Б. Джессоп даже предпринял попытку создания целостной теории государства [См.: Jessop, B. *State Theory. Putting the Capitalist State in its Place*. Cambridge: Polity Press, 1994].

[55] См.: Jessop, B. Regulation Theories in Retrospect and Prospect, *Economy and Society* (May 1990). Vol. 19, No. 2; Jonnson, I. Regimes of Accumulation, Microeconomies and Hegemonic Politics, *Capital and Class* (1993). No. 50; Friedman, A. Microregulation and Post-Fordism: Critique and Development of Regulation Theory, *New Political Economy* (2000). Vol. 5, No. 1; и др.

[56] См. например: Peck, J., and A. Tickell. *Searching for New Institutional Fix*. P. 286.

[57] Некоторые авторы прямо указывают на то, что советская система строилась на фордистских принципах, или даже говорят о ней как об «апогее фордизма» [См.: Murrey, R. Life after Henry Ford, *Marxism Today* (October 1988). P. 9].

*Полетаев А.В., Савельев И.М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.: Наука, 1993.

*Форд Г.* Моя жизнь. Мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989.

*Шевчук А.В.* Постфордистские теории // Российский экономический журнал, 1999. №4.

*Шевчук А.В.* Постфордистские концепции (критический анализ). Казань, 2000.

Aglietta, M. *A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience*. L.: New Left Books, 1979.

Amin, A. (ed.). *Post-Fordism*. Oxford: Basil Blackwell, 1994.

Dosi, G. (ed.). *Technical Change and Economic Theory*. L.: Frances Pinter, 1988.

Friedman A. Microregulation and Post-Fordism: Critique and Development of Regulation Theory, *New Political Economy* (2000). Vol. 5. No. 1.

Gramshi, A. Americanism & Fordism, in his: *Selections from Prison Notebooks*. L.: Laurence & Wishart, 1971.

Hall, S., and M. Jaques. *New Times*. L.: Lowrence & Wishart, 1989.

Harvey, D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell, 1989.

Hollingsworth, J.R., and R. Boyer (eds.) *Contemporary Capitalism. The Embeddedness of Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Jessop, B. Regulation Theories in Retrospect and Prospect, *Economy and Society* (May 1990). Vol. 19, No. 2.

Kumar, K. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*. Oxford: Blackwell, 1995.

Lipietz, A. *Mirages and Miracles: the Crisis of Global Fordism*. L.: Verso, 1987.

Lipietz, A. *Towards a New Economic Order: Post-Fordism, Ecology and Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1993.

Massey, D., and J. Allen (eds.). *The Economy in Question*. L.: Sage, 1994.

Piore, M., and C.Sabel. *The Second Industrial Divide*. N.Y.: Basic Books, 1984.

Sayer, A., and R. Walker. *The New Social Economy: Reworking the Division of Labor*. Oxford: Blackwell, 1992.

Scott, A. *New Industrial Spaces: Flexible production Organisation & Regional Development in North America and Western Europe*. L.: Pion, 1988.

Tickell, A., and J. Peck. Accumulation, Regulation and the Geographies of Post-Fordism: Missing Links in Regulationist Research, *Progress in Human Geography* (1992). Vol. 16, No. 2.

Williams, K., Cutler, T., William, J., and C. Haslam, C. The End of Mass Production?, *Economy and Society* (1987). No. 16.

Wood, S. (ed.) *The Transformation of Work: Skill, Flexibility and Labor Process*. L.: Routledge, 1992.